

Б Е С С О Н Н И Ц А
INSOMNIA

ИРИНА ЛАЗАРЕВА

СТАРОЕ
ПИАНИНО

МИСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Ирина Александровна Лазарева

Старое пианино

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590915*

Старое пианино: Центрполиграф; М.: 2010

ISBN 978-5-227-02403-9

Аннотация

Прославленному пианисту Максиму известно, что хорошая музыка по силе воздействия сродни магии. Приехав на гастроли в красивый провинциальный городок, он встречает прямого потомка старого графа, владельца усадьбы «Дарьины ключи». Как будто загипнотизировав музыканта, Сила Михалыч убеждает его прийти к нему в усадьбу и сыграть на старинном родовом пианино. Звуки прекрасной музыки разбудили дремлющие до сих пор силы тьмы, ведь древний музыкальный инструмент – это своеобразный портал между двумя мирами. Максиму придется применить весь свой талант и мастерство, чтобы суметь победить Темного Ангела...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	38
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ирина Лазарева

Старое пианино

Глава 1

Звуки заключительного аккорда медленно растворялись в напряженной тишине зрительного зала. Максим, склонившись к клавиатуре концертного рояля, вслушивался в затихающие отголоски, с трудом выпускал их из себя, они таяли где-то под дальними сводами, над ложами второго яруса. Он все еще был один на один с музыкой, не различал сцены и лиц в зале, слившихся в сплошное размытое пятно.

Наконец все стихло окончательно.

Пианист вздохнул, выпрямился и вздрогнул от внезапно-го шквала аплодисментов, обратил невидящие глаза к зрителям, вставшим на ноги. Зал рукоплескал, неслись крики «браво». К сцене уже спешили поклонницы с цветами.

Максим раскланивался, все еще осязая угасшие звуки обнаженными нервами, принимал цветы, целовал руки женщинам и подставлял щеку. Как ни странно, именно этот после-концертный ритуал с излияниями восторга благодарных зрителей он не любил больше всего, хотя очередной триумф, как всегда, волновал и наполнял его сердце гордостью. Он считал, что музыканту после сильного переживания необхо-

димое некоторое время тишины, чтобы вернуться из свободного полета в другую реальность – в мир приземленных субстанций и человеческих отношений.

Ему что-то торопливо говорили, он кивал, вскидывал брови, отвечал на улыбки, хотя все еще плохо воспринимал окружающее.

Уложив очередную охапку цветов на крышку рояля, он вновь повернулся к залу и случайно из пестроты нарядов, фигур, улыбающихся лиц вдруг с поразительной четкостью выхватил одно – напряженное, со сдвинутыми бровями, горящими глазами, изрытое глубокими морщинами, в обрамлении седых волос.

Столько требования было в этом взгляде, непонятного зова, страдания и отчаянной силы, что Максим застыл в оцепенении.

Человек, завладевший его вниманием, казался истощенным, его немигающие глаза выделялись на сером лице, одет он был в какую-то потрепанную пару неопределенного цвета; спутанные редкие волосы окружали тусклую лысину и свисали до плеч, придавая незнакомцу вид бедного художника.

Максим словно под гипнозом сделал шаг вперед, но кто-то в этот миг заслонил собой странного мужчину. Скоро он совершенно затерялся среди восторженных зрителей.

Пианист встряхнулся, сбросил с себя наваждение и торопливо прошел за кулисы.

Когда он садился в машину при выходе из концертного за-

ла, ему снова померещились те пронзительные глаза за спинами многочисленных почитателей – словно вспыхнули два огонька и пропали.

Что за чертовщина, думал Максим, сидя в машине рядом со своим продюсером Яриком Фомичевым. Как любой знаменитый артист, имеющий массу поклонников, он был готов к тому, что в любой момент можно нарваться на психически больных, ярых фанатов с неадекватным поведением или истеричных дамочек, вообразивших, будто обожаемый кумир принадлежит только им. Ярик, разумеется, все предусмотрел: рядом с Максимом постоянно находились охранники, дюжие ребята во главе с начальником Павлом.

Максим посмотрел на продюсера.

– Что? – мгновенно среагировал тот.

– Не знаю, – задумчиво отозвался Максим. – У тебя не бывает чувства, что, начиная с какого-то незначительного события, твоя жизнь съезжает с рельс и устремляется в неизвестном направлении?

– Ну ты даешь! – хмыкнул Ярослав. – Жизнь не разрисованный трамвай, хотя мне понятна твоя метафора. Скорее, судьбу каждого из нас можно сравнить с корабликом на ниточке, который кто-то дергает сверху, и куда дернет в следующую секунду, никому не ведомо. А что случилось? Я что-то проглядел?

– Нет, ничего, – покачал головой Максим и отвернулся к окну.

Ярик некоторое время изучал его с подозрением.

– Тебе надо отдохнуть, – заключил он. – Кстати, мне говорили, что местные речки богаты рыбой и леса здесь потрясающие. Предлагаю оттянуться на природе, пока есть такая возможность. Вернемся в Москву на два дня позже.

– Здесь вроде заповедник, не боишься, что лесники нас оштрафуют?

– Да брось, мы же не браконьерствовать собираемся, а ловить рыбу культурно – удочкой. Лесников я беру на себя. Э-эх! Побалдеем у речки с удочками, ушицу сварим... Хочешь, Веньку не возьмем? Да и Люську тоже? Надоели бабы, блин! Как-нибудь денек перекантуются. Отдохнем знатно, мужской компанией.

– Ох, хорошо бы! Только от Венеры не отделаешься.

– Беру девчонок на себя. Самое милое дело – сплавить их сегодня же с Павлом домой. Решено! Слышишь, Павлик, – обратился он к сидевшему впереди начальнику охраны. – Повезешь вечером девочек в Москву.

– Почему я? – недовольно загудел Павел. – Вы, Ярослав Кузьмич, оставьте мне мои обязанности. Я сам решу, кому девушек сопровождать.

– Нет, ты слышал? – хохотнул Ярик. В руках он держал коньячную фляжку, поэтому находился в благодушном настроении. – Слова ему не скажи. Распустились хлопцы, скоро нами командовать начнут... А впрочем, шут с тобой, делай, как считаешь нужным.

Павел надменно шевельнул бровью и уставился на дорогу.

Улицы старинного провинциального городка были немногочисленны в этот час, однако то и дело попадались гуляющие пары, как молодые, так и в почтенном возрасте; вероятно, их выгнала на улицу летняя духота. Июньский вечер не принес облегчения после жаркого дня. Густой, насыщенный ароматом цветущей липы воздух не двигался, небо глядело на изнывающий городок крупными звездами, не замутненными ни единым облачком.

– Останови машину, – сказал Максим. – Пройдемся до гостиницы пешком.

– Спечешься, Макс, – возразил Ярослав. – В машине прохладно, выйдешь наружу, как в парилку.

– Ничего, разомнусь немного, да и тебе не помешает. – Максим снял концертный фрак и бросил на сиденье. – Хватит коньяк хлестать, скоро превратишься в коньячный бочонок.

– Во-во, и этот воспитывает. – Ярик кряхтя выбрался из автомобиля. Он был большой, грузный, лысый. – Что мне остается, раз ты отказался от банкета.

Максим, не ответив, пошел вперед. Город славился своими церквями и монастырями, в нем часто проходили различные культурные мероприятия, фестивали и концерты. Лучшие музыканты страны с удовольствием выступали в местном концертном зале, который размещался в отреставрированном дворце бывшего предводителя дворянства.

Улицы города были зеленые, с цветущими газонами и столетними раскидистыми деревьями, но тротуары растрескались, то и дело приходилось обходить выбоины. Дома, в основном двухэтажные, дореволюционной постройки, чередовались с новыми каменными особняками местных богачей и современными гостиницами в виде отдельных коттеджей, не нарушавших стиля городка. По соседству с ними приткнулись невзрачные деревянные домики коренных жителей с яблонями и вишнями за крашеным частоколом. Здесь было немало строений – памятников старины, когда-то они тоже принадлежали дворянской знати.

В городе благодаря отсутствию высоток еще жил патриархальный дух тихих российских провинций со своей особенной неторопливой жизнью. Белые стены и золотые маковки церквей создавали ощущение внезапного переноса из двадцать первого века в далекую старину.

Максим шел вдоль крепостной монастырской стены с башнями, бойницами и амбразурами – когда-то такие стены служили для защиты от вражеских набегов; за древней кладкой из красного кирпича высились купола главного храма.

Максиму захотелось пройти на территорию монастыря, но ворота оказались заперты.

– Ты куда, Макс? Хочешь местные достопримечательности осмотреть? Да сколько угодно, но не сегодня. Поздно уже. Сделаем так: завтра на природу, послезавтра в монастыри, идет?

– Не хочется в гостиницу. Пойдем в парке прогуляемся.

– Пошли, что с тобой поделаешь, – согласился Ярик, хотя лицо его уже лоснилось от пота.

Максим, напротив, выглядел свежим, как будто не он только что отыграл концерт, вложив в него все силы и душу. Он лишь слегка побледнел, отчего контрастнее стали его яркие глаза и жесткие каштановые волосы, мыском торчащие над высоким лбом.

Мужчины пошли по слабоосвещенным аллеям; парк был запущен и оттого особенно прекрасен – в нем все благоухало, из заросшей чащи неслись серебряные соловьиные трели.

– Господи, благодать-то какая! – вырвалось у Максима.

Он присел на деревянную скамейку, откинул голову на изгиб спинки и закрыл глаза. Ярослав сел рядом, с неудовольствием поглядывая на товарища. Шедшие позади Павел и двое охранников расположились на соседней скамье.

Прошло десять минут. Ярик томился, сопел, поминутно вытирал потное лицо платком. Пока он размышлял, стоит ли окликнуть Максима и нарушить его душевное уединение, перед сидящими внезапно возник худой человек довольно странного вида. Он словно выплыл из вечерней тьмы в круг света тусклого фонаря.

Глаза его иступленно горели, остатки седых волосы были всклокочены, иссохшими пальцами он теребил лацканы поношенного пиджака и что-то бормотал себе под нос, неотрывно глядя на Максима.

– Слышь, папаша, а ну проходи, чего встал? – незамедлительно подступил к нему Павел.

Незнакомец попятился, испуганно выглядывая из-за широкого плеча Павла, дрожащей рукой заполз в карман мятого пиджака и извлек клочок бумаги.

– Мне бы передать... – прошелестел он и весь затрясся. – Господину Смирнову... записку... я ничего... только записку...

– Дайте, – властно протянул руку Павел, но незнакомец судорожным движением заложил руку за спину.

Максим, потревоженный звуками голосов, вскинул голову и на секунду опешил. Он узнал того самого старика из зрительного зала. И вновь поразили его лихорадочный блеск глаз; в них светилась безмолвная мольба о помощи.

– погоди, Паша, – поднялся Максим со скамьи. – Дай мне поговорить с этим человеком.

Павел быстрым движением ощупал подозреваемого сверху донизу и отступил в сторону.

– Мне надо увидеться с вами наедине, – быстро зашептал незнакомец Максиму в лицо. – Я все вам объясню... вы один можете спасти меня... больше никто... помогите, заклинаю вас!.. – Он вдруг схватил музыканта за руки и сжал их с неимоверной для своей тщедушной комплекции силой. – Речь даже не обо мне, а о моей дочери. Поймите, это существо юное, неопытное, она только начала жить... это несправедливо... ужасно, с этим нельзя смириться!

– Постоите, да чем же я могу вам помочь? – смешался Максим и сделал попытку высвободить руки, в которые старик вцепился как клещ.

Павел снова решительно двинулся на дерзкого просителя; тот, сообразив, что может упустить завоеванный шанс, засуетился, начал шарить в карманах и снова достал помятый листок бумаги.

– Вот, здесь адрес, приходите завтра в девять вечера... вы все поймете на месте... не откажите, прошу вас... если в вас есть хоть капля сострадания, помогите, умоляю... моя девочка... Доченька моя! – закончил он свою сбивчивую речь душераздирающим выкриком и зарыдал, глядя сквозь слезы, не пряча искаженного лица с трясущимися губами и щеками.

– Так, довольно, вали отсюда, папаша! – Теперь уже Ярослав не выдержал неожиданной сцены. – Нашел мать Терезу, кругом церковей полно, ищи там себе заступников и благодетелей. Ступай по-доброму, нам твои проблемы по фигу. Павел, гони его, чего ждешь?

Незнакомец больше не сопротивлялся, побрел по аллее, оглядываясь на Максима с выражением тоски и безнадежности.

– Натуральный шизоид, – определил Ярик. – Я бы понял, если бы старикан попросил автограф, но он, кажется, оставил тебе свой. Прочти-ка, что там нацарапано.

– Адрес какой-то, – отозвался Максим, – или, может быть, название местности: Дарьины Ключи, 21.00.

– И все? Больше ни слова?

– Нет, только это.

– Точно сбрендил старикашка! Макс, ну какого черта ты якшаешься с каждым встречным бомжом? Я для чего содер-
жу охрану, сам мотаюсь за тобой, как старая дева за люби-
мым мопсом?

– Нет, на бомжа он не похож, – задумчиво проговорил
Максим. – Но в целом ты прав. – Он скомкал записку и бро-
сил бумажный шарик в урну. – Ладно, поехали в гостиницу,
пока очередной страждущий не объявился.

Максим вошел в номер отеля, швырнул фрак и гал-
стук-бабочку на кресло. Венера лежала на широкой гости-
ничной кровати, вытянув длинные загорелые ноги; в руках
у нее был глянцевый журнал.

– Отыгрался? – равнодушно спросила она, не отрывая
взгляда от раскрытой страницы. –

Хорошо, что я не пошла. Скука смертная этот ваш Стра-
винский. И Рахманинов не лучше. Честно говоря, твоя за-
нудная классическая музыка у меня уже в печенках. Сколько
можно? Давай вместе сходим на какой-нибудь крутой кон-
церт. Вон скоро Мадонна приезжает. Скажи Ярику, пусть
подсуетится насчет билетов.

Максим ничего не ответил, лег на свободную сторону кро-
вати и затих, глядя в потолок.

Венера отложила журнал, подвинулась к Максиму и при-

строилась щекой у него на плече. Рука ее скользнула в расстегнутый воротник белой концертной рубашки.

– Ну что такое, Масюня? – капризно надула она губы. – Я не люблю, когда ты бука. Я здесь скучала, не могла дождаться, а мой малыш меня не замечает.

Максим скосил глаза и несколько секунд, словно прикидывая, изучал пышную белую грудь, упруго набухшую от сжатия между двумя телами, затем решительно произнес:

– Собирай вещи, поедете с Люсей в Москву. Прямо сейчас.

Венера подскочила от неожиданности:

– Куда это на ночь глядя? Вот еще! Что за дела? Никуда я не поеду.

Дверь отворилась, вошел Ярослав – запросто, без стука, как раз вовремя, чтобы услышать последнюю фразу. Максим высоко ценил в нем необыкновенную способность появляться в нужную минуту. Ярик часто спасал его от утомительных хлопот и объяснений.

– Так, Веня, собираемся! В темпе, прояви активность, детка! Машина уже ждет...

Разъяренная Венера настроилась закатить нешуточную сцену своему любовнику, но появление Ярика подействовало на девушку как ушат холодной воды: спорить с ним было бесполезно, к тому же – небезопасно. Этот благодушный на первый взгляд увалень обладал железной хваткой и трезвой холодной волей. Когда ему перечили, становился по-на-

стоящему жесток и ни с кем особо не церемонился, за исключением Максима. Даровитый музыкант был для него не только средством заработка, но и объектом искреннего восхищения, более того – благоговения, ибо сам Ярик никакими художественными талантами не обладал. Все его способности лежали в сфере коммерческой деятельности: он был отличным администратором, устроителем концертов, бизнесменом. Его торгашеской изворотливости, смекалке опытного маркетолога, умению заводить нужные связи и знакомства можно было только позавидовать.

Люся уверяла, что у Ярика нет сердца, она ласково звала любовника «мой бегемотик», объясняя всем, что это большое, добродушное и флегматичное на вид животное на самом деле – непредсказуемый опасный зверь.

Сопротивляться Ярику Венера не решилась, повернулась к мужчинам спиной и принялась яростно выбрасывать одежду из шкафа – скоро комната превратилась в пестреющую тканями арену для выражения возмущения и безмолвного презрения.

Максима демонстрация Венеры никоим образом не затронула, он продолжал лежать в неподвижности с отстраненным видом. Ярослав возвышался посреди комнаты, уперев руки в бока, и следил твердым взглядом за действиями взбешенной женщины, как привыкший ко всему надзиратель.

– Умница! А теперь складывай в чемодан все, что раскидала, да поживей. И нечего устраивать истерику. Мы здесь

задержимся дня на два, потом получишь своего Макса обратно. Престо-престо, не тяни кота за хвост!

– Ага, образовался! – с задиристым раздражением отозвалась Венера. Вещи, однако, стала послушно складывать в чемодан. – Музыкальными терминами заговорил. Не выйдет, Ярик, как ты был мужланом, так и останешься. Твое дело бабло считать да грошовых девок тискать, а Максима в свои оргии не втягивай. Думаешь, не знаю, зачем вы здесь остаетесь?

– Грошовых девок? – недобро усмехнулся Ярослав. – Интересно, как дорого ты себя ценишь? Обложила шмотьем и цацками за наш счет и вообразила себя светской львицей?

– Вот-вот, такой лексикон тебе больше подходит, торгаш! – взвилась Венера.

Ярослав резким движением схватил девушку за волосы, намотал на руку белокурые пряди, пригнул ее голову к себе.

– Ты слышала – проваливай, и без единого писка, – процедил он сквозь зубы. – Не смей тут права качать, мзгля! Пошла вон, я сказал!

Максим наконец очнулся от дум и бросился вызволять любовницу из лап грубияна.

Венера разрыдалась у Максима на груди, Ярослав выругался и вышел из комнаты.

Через полчаса обиженных подруг водворили в машину с охранником на переднем сиденье; Максим, заверив в который раз Венеру в отсутствии дурного умысла, поцеловал ее

на прощание в покрасневшую щеку и захлопнул дверцу автомобиля.

Глава 2

– Жарюга! – Ярослав стащил через голову тенниску. – Думаю, если мы разденемся до пояса, нас не застукают папарацци. Паша, глянь вокруг, нет ли чересчур любознательных субъектов поблизости.

– Смотрел уже, вроде тихо кругом. Там дальше вниз по реке две парочки. Милуются, им явно не до нас. В лесу бродит мирная компания – взрослые и дети, видно, из местных, собирают что-то. Сейчас еще Сеня подойдет с восточной стороны, доложит обстановку...

Максим последовал совету Ярика и снял рубашку. Хотя отдыхающие расположились на зеленом берегу в тени сочной листвы пойменных деревьев, начинала сказываться полуденная духота. Лягушки умолкли, плотно сомкнули большие рты, спрятали пятнистые спины в воде, выставив наружу шарики глаз. В лесной чаще, если смотреть от берега, свет сгущался до темноты под пышными кронами лиственных деревьев и плотной вязью нижних оголенных сучьев хвойных. Вода в реке, заросшая у берегов кувшинками, казалась неподвижной, плюшевые валики камыша не тревожило дуновение ветра, лишь жуки-плавунцы сновали в стоячей, пестрой от ряски заводи. Редкие всплески, птичьи трели в лесу и деловитое жужжание насекомых над цветами успокаивали слух Максима. Он всей душой наслаждался покоем и окружаю-

щей красотой.

Мужчины расположились там, где росла нежная, как на ухоженных газонах, трава, здесь же река намыла небольшой пляж с чистым светлым песком, уже изрытым босыми ступнями.

– М-да, – изрек Ярослав, разглядывая бледную кожу и худощавый торс пианиста. – Запустили мы тебя, Макс. Отощал за своим роялем. Неважнецки выглядишь, под глазами круги. Решено: закончим концертный тур и махнем куда-нибудь на острова. На Мальдивы, к примеру. Или на Маврикий. Хочешь на Маврикий? Там, говорят, королевская рыбалка. Поохотимся на голубого марлина. Каково?! Надо тебе размяться, поплавать, в тренажерном зале попотеть. И питаться хорошо. Искусство, брат, дело возвышенное, но о брэнном теле тоже забывать нельзя.

Над костром уже закипал котелок, куда сложили куски щуки и нескольких окуней. Ярик пребывал в отличном настроении: поймал щуку на блесну. Для самолюбия горожанина щука была вполне приличная – тянула килограмма на два, а то и больше.

Мужчины взбодрились в предвкушении ухи, расставили складные столы и стулья, из багажника машины извлекли пакеты с посудой и разной снедью. Неподалеку на отмели охлаждали бутылки с напитками.

– Ну как, Макс, искупнемся перед обедом? – предложил Ярослав. – Заострим аппетит.

– У меня и так уже слюнки текут, – признался тот.

– Во, сработало! О чем и речь. Природа и не такое творит... А это еще кто? – заметил он приближающегося человека. Тот был в сапогах, в фуражке и камуфляжной тужурке, с двустволкой за спиной. – Никак госинспектор пожаловал. Следовало ожидать, хотя мы вроде ничего не нарушали.

Оказалось, что нарушили: в заповеднике запрещалось разводить костры. Как сказал инспектор, правила писаны для всех на деревянных дощечках, прибитых к столбам.

– И что, ты нас теперь оштрафуешь? – осведомился Ярик.

Госинспектор мало походил на блюстителя закона: молодой, по всей видимости, неопытный, изо всех сил старался держаться уверенно, заученные фразы произносил с серьезным, почти торжественным лицом. Это был худой, белобрысый паренек с неярким румянцем на щеках и мелкими веснушками, в оптических очках, что окончательно не вязалось с обликом лесничего.

– На первый раз ограничимся предупреждением, но костер придется загасить, – проговорил он как можно строже.

Тут Ярик пустил в ход все свое профессиональное обаяние, так как до готовности ушлицы оставалось всего ничего, рискнул даже предложить денежное вознаграждение за добросердечное терпение на каких-нибудь пятнадцать минут. От взятки неподкупный лесничий отказался, но против дружеского предложения разделить трапезу не устоял. Запах ухи и вид увесистой бутылки оказались действеннее хитрого

красноречия или шуршания купюр.

Не прошло и получаса, как веселая компания расположилась за двумя сдвинутыми столами.

– А что, Вася, давно в лесничестве работаешь? – расспрашивал Ярослав инспектора, подливая водку в пластмассовые стаканчики. – На такой работе небось не разживешься. Понятно – романтика, красота, зверушки всякие... Только одной романтикой сыт не будешь. Верно я говорю?

– Верно, – с готовностью кивал пьяненький уже Василий. Теперь с его простодушного лица не сходила блаженная улыбка. – Все ты верно говоришь, дружище. Денег здесь не заработаешь. Я в заповедник за другим пришел. И не ошибся, не подвела меня интуиция. Я ведь не простой служака, а натуралист, если хотите знать. – Он подался к собеседникам и понизил голос: – Слушайте, братцы, что я вам по секрету скажу: есть в здешнем лесу кое-что особенное, помимо романтики... только тсс... – он приложил палец к губам, озираясь по сторонам с пьяной опасливостью, – расскажете кому – засмеют. Нас здесь инспекторов пять человек, у каждого свой участок, и все знают про это «особенное». Только мы сговорились помалкивать. Неохота прослыть кандидатом в психушку. Потому как люди не дойдут своими штампованными мозгами, что именно лес может открыть сокровенное. Здесь квинтэссенция природных сил, здесь они проявляются и даже обретают зримый облик, и чтобы понять это, надо вот так, как я, определенное время пожить в лесу.

Он откинулся на спинку стула и с довольным видом оглядел слушателей.

Взгляд Максима невольно затерялся в сумрачной утробе леса, слова Василия навели на собственные размышления: ему тоже всегда казалось, что лес живет своей обособленной, таинственной жизнью, которую человек, так и не разгадав, бездумно пытается уничтожить. Там, где царство деревьев и трав, приют теней и утомленных ветров, где вольно дышит земля, не скованная бетоном и асфальтом, и изливается целебными ключами в ручьи и реки, там, возможно, удастся найти ответы на многое, что занимает пытливые умы, что заставляет искать иные миры, когда разгадка может оказаться совсем близко.

Раздумья напомнили ему вчерашний странный эпизод в парке.

– Вася, ты слышал такое название: Дарьины Ключи?

Василий, хоть и был в изрядном подпитии, среагировал мгновенно: как-то болезненно передернулся, у него выплеснулась водка из стакана, улыбка сползла с губ, на лице проступило смешанное выражение беспокойства и растерянности. Он поставил стакан на стол и погрузил в него взгляд, как бы собираясь с мыслями.

– В сущности, вы приезжие, чужие в наших краях, – заключил он, – не надо вам втягиваться в то, что здесь творится. Натерпитеcь страху только. Ведь как люди неведомое воспринимают: что непонятно – то пугающе. А что пугает,

вызывает защитную агрессию... Кто вам сказал про Дарьины Ключи?

– Да старикан один психованный, – хмыкнул Ярик. – Пристал к Максу на бульваре, о помощи какой-то гундосил. Явно не в себе.

– Вас просил о помощи?... Ну да, вы же пианист, это понятно, – пробормотал Василий и снова задумался.

– Слышь, очкарик, что ты там бурчишь себе под нос? – фамиллярно хохотнул Ярослав. – Раз пианист, то, стало быть, любой приставала в порядке вещей?

– Пианист... – медленно повторил Василий, – он тоже был пианистом, знаменитым причем. Неужели не узнали, Максим Евгеньевич? Это ведь Веренский, забыли, что ли?

– Веренский?! – поразился Максим. – Этот страшный, изможденный старик – Веренский?! Подумать только. Какая ужасная перемена! Я никогда не был поклонником его таланта, но буквально пять лет назад он был повсеместно известен как признанный виртуоз и один из лучших исполнителей Шопена. Потом внезапно исчез с концертной сцены. Что с ним случилось? Хотя после вчерашней встречи могу предположить, что бедняга лишился рассудка. Вид у него поистине безумный.

– Напрасно, Максим Евгеньевич, напрасно вы сделали такой вывод. Психически Веренский здоров. Подкосили его несчастья: одну за другой он потерял жену и дочь. Конечно, выслушав его «бредни», каждый утвердится во мнении, что

старик спятил, хотя и не старик он вовсе, по моим подсчетам, ему нет и пятидесяти.

А знаете, пожалуй, я со своей стороны попрошу вас сходить в Дарьины Ключи. Веренский верно рассчитал, возможно, вы единственный, кто может ему помочь. Я вас провожу, вот только сосну чуток на травке. Глаза слипаются, сил нет. — У Василия и вправду опускались веки, его качало на стуле, а речь все больше походила на невнятное бормотание. — Развезло от вашей водочки. Я вообще-то редко пью... не какой-нибудь пьяница бездонный... а тут не сдержался:

уха из свежатины да знатная компания... не то что госинспектор — богомолец станет грешником...

— Эге, брат, да ты сейчас свалишься, — озаботился Ярик. — Сеня, хватай гостя, пока не грохнулся, уложи вон под тем деревцем, пусть проспится. А то получится, что мы парня при исполнении споили.

Ярик и сам был навеселе; откушав напоследок крепкого кофе, разоблачился до трусов и полез в реку, где принялся резвиться с грацией бегемота, поднимая тучи брызг, грузно шлепаясь в воду, как автомобиль, упавший с моста.

Максим купаться отказался, прилег на покрывало, расстеленное на траве, неподалеку от сладко сопящего Василия, и задремал.

Через два часа молодой инспектор пробудился. Охранники уже носили вещи в машины, пора было возвращаться в

отель.

– Ну что, Вася, проспал рабочий день? – поддел Ярик. – Над тобой начальство есть или как?

– Начальство по лесу не шастает, оно в кабинетах сидит, – отозвался Василий. Он протирал стекла очков. – Так что решили? Едем в Дарьины Ключи? Отсюда совсем близко.

– Опа! – сказал Ярик. – Я надеялся, что из тебя дурь выветрится вместе с хмелем. Сам же отсоветовал вникать в ваши местные глюки.

– Другим бы отсоветовал, но буду я последний дурак, если не воспользуюсь присутствием знаменитого пианиста.

– Дался вам пианист! В чем дело, черт возьми?! Можешь ты толком объяснить?

– Пока не дойдем до места, ничего не скажу. Все равно не поверите. Увидите своими глазами, вернее – услышите, тогда поговорим.

– Ладно, развлеклись – и по машинам, – решительно распорядился Ярик. – Спасибо тебе, Вася, за компанию, удачи, друг! Бог даст, свидимся. Макс, садись в машину, ехать пора.

Максим, привыкший во всем полагаться на Ярослава, пожал руку Василию и пошел к автомобилю.

– Что ж, прощайте, – сказал вслед инспектор. – А ведь могли спасти человека.

Максим остановился и обернулся.

– Да-да, – продолжал Василий. – Если бы речь шла о самом Веренском, я бы даже не плюнул в его сторону. А де-

вушку жалко. Она ни в чем не виновата. За грехи папаши расплачивается. — Он придвинулся к Максиму и заговорил быстро, вполголоса, так же как за столом бросая пугливые взгляды по сторонам. — А все из-за этого проклятого пианино. Откуда чертовщина в доме завелась, даже сам Леонид Ефимыч не знает. По наследству от бабок да прабабок перешла. Дьявольский антиквариат, искушение, на этом Веренский и попался...

Он вдруг осекся на полуслове, глаза его застыли на одной точке, на чем-то, что было позади Максима, он забыл захлопнуть рот и стал походить на экспонат в музее восковых фигур.

Максим невольно оглянулся и увидел какое-то движение в лесу. Уже смеркалось, и лес потемнел, чаща совсем не просматривалась, примолкли птицы, листья не шептались, стояла полнейшая и какая-то напряженная тишина, как перед сильной бурей.

Из зарослей приближалось серое пятно, размытое в сумеречной дымке под низкими кронами. Охранники мгновенно подобрались, встревоженные реакцией Василия, Арсений даже вытащил пистолет. У Максима от предчувствия чего-то мистического, навязанного разрозненными фразами Василия мурашки поползли по спине.

На поляну между тем вышел совершенно обычный человек, на вид ничем не примечательный, низенький, полный, с круглым брюшком — начинающий лысеть мужчина лет со-

рока или чуть больше того. У него были толстые губы, нос картошкой, глазки маленькие и быстрые, со смешливой мужицкой хитринкой. В его облике не было ничего, что могло бы насторожить охрану. Единственная странность бросалась в глаза – тем резче, что действие происходило в лесном заповеднике: мужичок был одет в белоснежную рубашку и дорогой, отлично сшитый костюм – серый, из добротной ткани с металлическим лоском. Под расстегнутым пиджаком, на выпиравшем животе, лежал неожиданно щегольской галстук ярких тонов, прихваченный золотым зажимом с камнем, на ногах – новенькие блестящие туфли, идеально чистые, без единой пылинки. Наряд этот почему-то не вязался с внешностью незнакомца, создавалось впечатление, что деревенского жителя вдруг обрядили ни к селу ни к городу в дорогостоящую пару. Тем более что он не приехал на машине – грунтовая дорога находилась в стороне, – а прошел сквозь самые дебри.

Шел мужчина неуклюжей подпрыгивающей походкой, свесив голову и глядя себе под ноги, при этом бормотал что-то, будто разговаривал сам с собой.

Арсений встал у путника на пути, когда тот почти приблизился к группе.

– Мужик, траекторию смени, – сказал охранник. – Тебе чего надо? Прешься вперед, не разбирая дороги.

– Э-э... собственно... я тут... – как бы смешался незнакомец. Голос у него тоже был самый обыкновенный – бесцвет-

ный, чуть надтреснутый тенорок. — Я это... мне с Василием поговорить. — Он взглянул на лесничего и с детской радостью улыбнулся ему, как старому знакомому.

Василий, вместо ответа, съежился и отступил на шаг. Арсений повернулся к нему.

— Знакомый твой, что ли? — кивнул он в сторону пришельца.

— Д-да... — неуверенно промямлил Василий и вдруг судорожно затряс головой, — конечно, знакомый... очень рад... безмерно рад! Рекомендую, — суетливо обратился он к окружающим, — мой добрый знакомый... Сила Михалыч... хе-хе... А вы что же, Сила Михалыч, пешком в такую-то даль? Хотя... хе-хе... не слушайте меня, дурака, я, как всегда, порю одну чушь...

— Отчего же, мой бесценный друг, я слушаю вас с превеликим интересом, — засветился Сила Михалыч, довольно потирая пухлые руки с массивными перстнями на пальцах, обнаружив при этом и на манжетах драгоценные запонки с камнями, а также золотые часы на запястье. Изъяснялся он старомодными вычурными фразами, столь же неожиданными в данной ситуации, сколь и его одеяние. — Я и сам несказанно рад, что нашел вас после долгих мытарств. Кинулся туда-сюда — и расстроился до невозможности. Вы же знаете, как я нуждаюсь в вашем обществе.

Василий, напротив, после его слов сильно побледнел.

— Простите, я не думал... — пролепетал он. — Примчался

бы как ветер, позови вы меня хоть жестом. Пришлось отлучиться по делам, обязанности как-никак...

— Не оправдывайтесь, мой друг, в этом нет никакой нужды, — снова заискрился Сила Михалыч. — Вы правильно поступили, ведь благодаря вам я имею удовольствие познакомиться с выдающимся музыкантом современности Максимом Смирновым. — Последние слова он проговорил, с любезным выражением глядя на Максима.

Тот вежливо вернул улыбку, отметив про себя, что Сила Михалыч назвал его по имени, хотя Василий по отдельности никого не представлял. Впрочем, удивляться не приходилось, Максим был знаменитостью, многие знали его в лицо благодаря средствам массовой информации.

Ярослав на протяжении всего разговора стоял молча, недружелюбно разглядывая вновь прибывшего; было заметно, что нелогичное одеяние мужчины вызывает в нем сомнения.

— Так что решили, Максим Евгеньевич? — благожелательно продолжал между тем Сила Михалыч. — Я думаю, мы поступим следующим образом: сопровождающих ваших отправим в отель, на отдых, в волшебные объятия Морфея. А мы с вами, милейший Максим Евгеньевич, спокойно, пешочком прогуляемся до усадьбы несчастного Леонида Ефимыча Веренского. Бедный малый, чего только не натерпелся.

Круглое лицо его приняло скорбное выражение, в руке, как у фокусника, вдруг оказался большой носовой платок.

Сила Михалыч прижал платок к глазам, горестно покачал головой, затем шумно высморкался и снова расплылся в улыбке.

– Чего?! Ты что плетешь, ушлепок? – грозно рявкнул Ярослав и пошел на дерзкого, который вздумал ни с того ни с сего распоряжаться. Жалкий шут, скоморох ряженный, сейчас ему покажут, кто здесь главный. Надо проучить наглеца, выкупать в речке прямо так, в его дурацком прикиде, пусть потом топает обратно через лес, как пришел.

Сила Михалыч поджидал его спокойно, с благостной улыбкой на устах.

– Напрасно нервничаете, Ярослав Кузьмич, – ласково произнес он. – Гения вашего вернем в лучшем виде, я, во всяком случае, сделаю все от меня зависящее. Прискорбно было бы лишиться общество столь выдающегося таланта, а вас, уважаемый Ярослав Кузьмич, столь верного средства обогащения. Кстати, Максим Евгеньевич, знаете ли вы, что почтенный Ярослав Кузьмич не чист на руку? А попросту говоря – прохвост и враль, потому как обманывает вас ежечасно и присваивает себе солидную долю доходов от концертов.

Ярослав остолбенел, а Максим нахмурился:

– Простите, кто вы такой? Откуда у вас подобные сведения?

– Видите ли, драгоценнейший Максим Евгеньевич, мне по должности полагается знать многое. Честно скажу, что и знать-то не хочется, как начнешь копать в очередной па-

костной душонке, разгребать пороки, страстишки, злокозненный мусор и прочую дрянь в надежде нарыть-таки что-нибудь стоящее, клянусь, тысячу раз пожалеешь о своем призвании. Однако работа есть работа. Рутинка, как везде. — Он вздохнул, отер платком потную шею и добавил: — Жарковато тут у вас.

Ярослав все еще стоял неподвижной глыбой, наливаясь бешенством на глазах.

— Павел! — наконец прорвало его. — Что ты смотришь, а ну выкинь отсюда эту шваль! Или мне самому руки марать?

Павел, не сморгнув, сделал почему-то совершенно противоположное тому, что требовал шеф; точно так же повел себя Арсений: телохранители подошли к разъяренному Ярославу и взяли его с двух сторон под руки.

— Пойдемте, Ярослав Кузьмич, — твердо сказал Павел. — Вы же слышали, нам приказано вернуться в отель.

У Ярика глаза полезли на лоб, он несколько секунд не мог выговорить ни слова, потом разразился бранью и попробовал вырваться из могучих рук охранников, но не тут-то было, недаром он сам подбирал молодцов, они способны были справиться даже с таким верзилой, как собственный шеф.

Максим в ошеломлении наблюдал за тем, как телохранители тащили упирающегося, вопящего Ярослава к машине, шествие замыкал третий охранник — Дмитрий. Когда Максим вздумал двинуться вслед за обиженным продюсером, Дмитрий резко обернулся, сделал запрещающий жест ру-

кой и суровым тоном посоветовал вернуться. Максим так и остался стоять, пока обе машины не отъехали, из головной все еще доносились рычание и угрозы Ярослава.

– Ну вот все и уладилось, – сказал Сила Михалыч. Он вновь лучился благодушием и удовлетворенно потирал руки. – Пойдемте, Максим Евгеньевич, время поджигает, едва успеем к девяти.

Максим посмотрел на часы, они показывали полвосьмого вечера. Василий за спиной Силы Михалыча делал пианисту усиленные знаки: прикладывал палец к губам, призывая не спорить, показывал, что надо идти, торопиться, как советовал веселый крепыш.

– Что, полтора часа идти? – спросил Максим, чтобы оттянуть время: ему надо было собраться с мыслями.

– Нет-нет, минут пятнадцать, не более, – заверил Сила Михалыч. – Это совсем рядом. Однако ж прийти следует загодя, я вам все покажу на месте, сейчас разъяснения преждевременны.

Он бодро зашагал вперед своей чудаковатой походкой, подпрыгивая на буграх, как мячик. Максим и Василий пошли за ним, держась поближе друг к другу.

– Ты во что меня втравил, натуралист? – уголком рта спросил Максим. – Кто этот человек – фокусник, гипнотизер, экстрасенс?

– Клянусь, Максим Евгеньевич, я сам не знаю, – зашептал Василий. – Но лучше ему не перечить, вы же видели, что

он сделал с охранниками. Зачем он здесь, не знаю, то приходит из леса, то исчезает в нем без следа. Заметили, как он одет? Ни пылинки, ни морщинки, причем может явиться в другом одеянии, и тоже – сплошная роскошь. Одно бесспорно – впрочем, вы и сами убедились, – в обычные представления он не уместается, я не первый раз наблюдаю его феноменальные способности. Поэтому, пока мы не выясним, с чем имеем дело, заклиная вас, Максим Евгеньевич, старайтесь выполнять все его требования. Тут уже, дорогой вы мой, не до гордости и самолюбия, речь идет о нашей с вами безопасности.

Путь, как было обещано, действительно оказался коротким, извилистая тропка вывела ходочков на безлесое пространство. Сразу же открылся взору большой старинный дом, несомненно, дореволюционной постройки, каменный, с флигелями, в середине выступал шестиколонный портик, увенчанный фронтоном. Дом окружала обширная территория; к фасаду вела подъездная аллея с вековыми липами по обе стороны. Входом в усадьбу служили два каменных столба, на них сохранились железные петли от ворот, но сами створки были сорваны, одна из них, покореженная, валялась за оградой.

– Настоящая дворянская усадьба, – крутил по сторонам головой Максим.

Заметно было, что запущенный ныне участок в свое время был хорошо продуманным парковым ансамблем с посы-

паннами гравием дорожками, каменными скамьями, фонтанами с мраморными статуями и вазами.

Теперь фонтаны пересохли, а статуи позеленели. Несколько вычурных беседок некогда украшали парковый ансамбль, но и они выглядели полуразрушенными. В глубине парка виднелся павильон, дальше – приземистые корпуса, где при высокородных хозяевах жили дворовые люди. Одно из строений, по всей видимости, прежде служило конюшней.

– Вы правы, – отозвался шедший впереди Сила Михайч. Он остановился, подождал спутников и пошел рядом. – Когда-то усадьба принадлежала графам Веренским. После революции большевики превратили ее в пансионат. Только благодаря этому дом уцелел и не превратился в груды печальных развалин. Сохранилась даже графская мебель, портреты и предметы семейного обихода; правда, многое пролежало долгое время в подвалах и безнадежно испортилось, но некоторые вещи Леониду Ефимычу удалось спасти. Он нанял хороших реставраторов, и вскоре фамильные портреты заняли по праву свои места на стенах.

– Веренский принадлежит к графскому роду? – заинтересовался Максим.

– Да, прямой потомок по материнской линии. Когда Веренский стал знаменитым пианистом, ему удалось за сравнительно недорогую цену вернуть себе имение предков, так как с 1988 года здание пустовало. В годы так называемой перестройки у государства не оказалось денег на содержание

пансионата, а еще меньше на сохранение исторического памятника. Дом ветшал, парк приходил в запустение.

Веренский выкупил усадьбу в 2000 году, дом отреставрировали, парк вновь приобрел ухоженный вид, еще не так давно здесь журчали фонтаны и благоухали цветущие клумбы. Я сам не раз с удовольствием отдыхал на скамье у чудесного водоема с утками. Теперь за парком никто не ухаживает.

– Вы бывали здесь раньше? – удивился Максим. – Где вы живете, Сила Михалыч?

– О-хо-хо! – вздохнул тот. – Живу-то я далече, но по долгу службы приходится наведываться в усадьбу регулярно. Видите ли, есть места, которые нельзя оставлять без присмотра, иначе случается много бед – гораздо, гораздо больше самых смелых допущений.

– Что же случилось с Веренским? Василий сказал, что он потерял жену и дочь. Догадываюсь, что причина нынешнего упадка усадьбы кроется в этом.

– Отчасти, мой друг, лишь отчасти. Заметьте, как правильно мы поступили, пригласив вас в эпицентр событий. Как бы еще я смог объяснить вам все досконально и убедительно? Тем не менее, чтобы открылись страшные тайны этого дома и его хозяина, вам надобно увидеть один предмет воочию, и тогда многие вопросы отпадут сами собой.

– Страшные тайны... – Максим принужденно засмеялся. – Говорят, старые усадьбы полны привидений. Надеюсь, я выйду отсюда живым?

— А вот это уж как повезет, — вдруг холодно ответил Сила Михалыч, утратив разом свой имидж добродушного толстяка. — Будьте готовы ко всему, дражайший Максим Евгеньевич. Миссия ваша ответственная, тут уж, простите, личное придется задвинуть поглубже и забыть о нем совершенно... да-с... как говорится, не до жиру, быть бы живу.

— Но позвольте!.. — возмутился Максим. Василий предостерегающе дернул его за рубашку, но чувство негодования заставило музыканта продолжать: — Все-таки не лишне было бы спросить моего согласия. Вы, Сила Михалыч, привели меня сюда, можно сказать, силой. Не знаю, кто вы такой, но вам удалось каким-то образом воздействовать на моих товарищей...

— Максим! — резко перебил его Сила Михалыч и повернулся к пианисту, глядя все так же холодно и остро. Все лицо его теперь было сухо, нелюбезно, полные щеки опустились, обозначив недовольные складки у рта. — Знаешь ли ты, парень, что гордыня — один из смертных грехов? Не воображай, что дар твой достался тебе по воле слепого случая. Да и даром это назвать нельзя, ибо ничего не приходит даром, запомни раз и навсегда. И еще уясни себе хорошенько: талант дается не для славы, а для служения, так же как все в этом мире. Одни выдерживают бремя, другие не справляются и гибнут, поэтому все теперь в твоих руках.

Максим, пораженный столь неожиданным превращением, стоял и смотрел в сине-ледяные, необыкновенной прозрач-

ности глаза, как будто в теле этого смешного, несуразного толстяка скрывался кто-то другой, совершенно к телу неподходящий, так же как Сила Михалыч не подходил к костюму. Тот, другой, смотрел изнутри властно, пронзительно, и противиться ему не было сил.

Хватило молодого человека лишь на то, чтобы пробормотать чуть слышно:

– Черт меня дернул приехать в этот город.

На что Сила Михалыч расхохотался с прежним добродушием:

– Ну почему же непременно – черт? Хотя, доложу я вам, приезд твой в этот город неслучаен, как неслучайно все, что случается. А ты думал... – и расхохотался еще больше.

Глава 3

Войдя в вестибюль, гости, не сбавляя шага, поднялись по парадной лестнице и очутились в обширной зале, пустой и холодной; ее площадь визуально увеличивали зеркала в простенках, вдоль стен стояли стулья с высокими золочеными спинками. Самым заметным предметом в зале был концертный рояль «Стейнвей», как сразу определил опытным глазом Максим.

В зале посетители тоже не задержались и проследовали дальше в гостиную. В ней царил полумрак, горела лишь одна настенная лампа. Помещение было уставлено диванами, креслами и низкими столиками; вероятно, было оно рассчитано на прием множества гостей. Здесь стоял еще один рояль, но поменьше, кабинетный «Бехштейн» белого полированного дерева.

Навстречу мужчинам с кресла поднялась темная фигура. Это был Веренский. И снова у Максима возникло ощущение несоответствия, на сей раз – сохранившейся роскоши обстановки и изможденного, неряшливо одетого владельца дома.

– Что это вы, батенька, сидите в темноте? – деловито начал распоряжаться Сила Михалыч, хотя запыхался и потел после стремительного подъема по лестнице. – Зажгите свет, встречайте дорогого гостя. Видите, я сдержал слово: обещал привести Максима Евгеньевича, и вот он перед вами.

Веренский обрадовался до того, что стал напоминать пса, сидевшего взаперти до прихода хозяина. Он всполошился в стремлении оказать наилучший прием, комната мгновенно осветилась большой люстрой, на низком столе появились бокалы и бутылка коньяка, но Сила Михалыч остудил порыв гостеприимства:

– Некогда угощаться, Леонид Ефимыч, давайте приступим к делу незамедлительно. Пройдемте в кабинет.

Веренский униженно пригнул голову, словно даже поклонился, и мелкими шажками немощного человека засеменил из одной двери в другую, так как в доме, несмотря на заметные переделки, сохранилась главная анфилада. Искусно выложенный фигурный паркет слегка поскрипывал под ногами, с парадных портретов на стенах высокомерно смотрели важные господа, во всех помещениях тускло горели одиночные светильники. Мебели было немного, в основном антиквариат либо современные изделия, исполненные под старину соответственно общему стилю. Встречались секретеры, бюро, конторки, пуфы или низкие кушетки.

Свернули в боковую комнату. Это был мужской кабинет. Здесь стояли письменный стол, шкафы с книгами и привычные любому современному человеку телевизор и стационарный компьютер с устаревшим громоздким монитором. Аппаратура, по всем признакам, давно не включалась, так как экраны затянуло пылью.

Справа у окна, зашторенного тяжелыми гардинами, стоя-

ло старинное пианино красного дерева. Внешне пианино хорошо сохранилось, было украшено бронзовыми подсвечниками и художественной гравировкой по дереву.

Сила Михалыч двинулся напрямиком к пианино.

– Вот, собственно, ради чего мы пришли, – сказал он.

Мужчины выстроились полукругом перед инструментом.

– Что вы об этом думаете? – обратился к Максиму Сила Михалыч и ткнул коротким пальцем в сторону пианино.

Максим подошел поближе и погладил полированное дерево рукой.

– Похоже на «Шрёдер», – сказал он. – Вторая половина девятнадцатого века, семидесятые или восьмидесятые годы. Я угадал? – спросил он Веренского.

Тот стоял рядом и натурально трясся.

– Н-не могу вам с-сказать, – тихо проговорил он. – Знаю одно: пианино было в этом доме с незапамятных времен. Долгое время оно стояло в зале, когда здесь был пансионат. Культмассовик брэнчал на нем фокстроты, польки, вальсы. Случалось, жены партработников музицировали...

– То есть как это? – удивился Максим. – Не знаете производителя? А на крышке что?

– Не трогайте, – вдруг взвизгнул Веренский и прижал крышку обеими ладонями, глядя на Максима с ужасом.

– Э, батенька, так дело не пойдет, – вмешался Сила Михалыч. – Крышку открыть придется. Вы же сами хотели, чего уж теперь.

– Да как так можно, без подготовки? – лихорадочно зашептал Веренский. Сейчас он особенно походил на безумного. – Мне надо собраться с духом, укрепиться, я не ждал вас сегодня, я не готов еще...

– Вася, голубчик, займись несчастным, посиди с ним на диване, попридержи, если что. Нервишки у вас, Леонид Ефимыч, ни к... тьфу!... договоришься тут с вами.

Максим поднял крышку и присвистнул. Вместо ожидаемой надписи он увидел на красном дереве какие-то странные письма. Максим внимательно разглядывал искусную гравировку, очень красивую, с завитушками, напоминавшую художественный узор, но все же это были буквы, невиданные, не похожие ни на один из существующих алфавитов. Слов было шесть, что выглядело необычным для обозначения фирмы. Они вились над клавиатурой длинной непонятной фразой.

– Сыграйте нам что-нибудь, Максим Евгеньевич, усладите наш слух, – сказал Сила Михалыч, сопроводив предложение вдохновенным жестом. – Что-нибудь этакое из Шопена, мазурку, например.

– Вы шутите, – засмеялся Максим. – Я играю на совершенных инструментах, лучших образцах мировых производителей, а это, извините, уже «топчан», как говорят профессионалы. Наверняка разболтаны колки, трещины в деке. Такой антиквариат хорош лишь как мебель, время, несомненно, сделало свое дело, да еще, по выражению Леонида Ефи-

мыча, на нем «бренчали» все, кому не лень. Нет уж, давайте я не буду травмировать ни ваш слух, ни свой собственный.

– И все же я настаиваю, – сурово произнес Сила Михалыч. Взгляд его снова стал каким-то чужим и неодолимо властным. – Обещаю, что вы будете удивлены: такого звука, как у этого пианино, вы не услышите нигде и никогда.

Максим с трудом отвел от него глаза – нет, не было никакого гипноза, то была сила духа, непреклонная воля действеннее всяких слов.

Он сел на банкетку, оглядел клавиатуру – слоновая кость пожелтела, кое-где виднелись зазубрины, – затем все-таки, прежде чем взять аккорд, решил проверить звучание каждой клавиши.

Максим обреченно вздохнул и тронул до первой октавы.

В следующую секунду пианист сорвался со стула и грохнулся к ногам Силы Михалыча. Он не сразу понял, что произошло, сидел на полу с бессмысленным видом и медленно приходил в себя после шока. То, что он слышал, могло сбить с ног и более крепкого парня.

Пианино издало чудовищный рев. И был он страшен не только силой звука или спектром звучания, хотя фактор внезапной оглушительности сыграл немалую роль в падении Максима. То был голос человека, доведенного до животного ужаса. Наверное, так кричат люди при виде палача с раскаленными щипцами.

– Что ж вы так? Не ушиблись? – обеспокоился Сила Ми-

халыч. Он помог Максиму встать и даже попытался стряхнуть соринки с его одежды.

В отличие от музыканта он отнесся к исторгнутому воплю абсолютно спокойно. Василия заметно покорежило, а Веренский ахнул и закрыл лицо руками.

– Что это было? – Максим не сразу опамятовался, растерянность и ужас породили в душе отчаянный крик. Хотелось бежать куда-то, помочь, спасти, но куда, кого?..

– Попробуй еще какую-нибудь ноту, – не унимался жестокий Сила Михалыч. – Я же предупреждал – звук у антиквариата специфический. Давай из второй октавы, возьми соль – сама нежность, чудесное сопрано, ну же, не трусь, Максим, будь мужчиной!

Максим смотрел на него и вновь наливался негодованием.

– Хорошо, раз вам так хочется. Я знаю – все это ваши фокусы, только совсем не смешно, – со злостью проговорил он.

В нем нарастал протест, все возмущало его: насильственный привод, так он расценивал свое появление в усадьбе, периодическое ерничанье или приказной тон странного Силы Михалыча, запуганный чем-то Василий и опустившийся, жалкий Веренский, теперь еще этот дьявольский инструмент.

Только пусть не думает насмешник, что его можно запугать. Конечно, жизнь Максима складывалась удачно, он добился успеха, стал знаменит, едва достигнув двадцати пяти, жил в роскоши и довольстве, но разве не работал он как

проклятый, играл по восемь, девять, двенадцать часов! Да и роскоши той особо не замечал, потому что главной для него была музыка. Он был не только исполнителем чужих произведений, но и сам с детства сочинял фортепианные пьесы и с успехом исполнял их на концертах. Нет, никто не смеет назвать его неженкой, баловнем судьбы, и силы воли ему не занимать, пусть другие попробуют – поймут, почем фунт успеха.

Он решительно подошел к пианино и взял ми второй октавы. На сей раз воздух сотряс горестный женский крик. Вторая и третья октавы издавали пронзительный визг, звуки лезли все выше и выше, превращались в писк, свист, большая изрыгала трубный рев, контр октава – рычание, вся клавиатура стена ла, выла, визжала, хрипела, ревела. То была гамма страдания, боли, страха и всех самых страшных человеческих проявлений. В комнате стояла адская какофония, какую не могла бы создать ни одна больная фантазия, ни какое изощренное подражание, потому что трагедия здесь граничила с безумием, боль – с агонией, воплями, порожденными конвульсией.

Веренский корчился на диване, зажав ладонями уши. Василию явно было не по себе, но он крепился изо всех сил, Сила Михалыч разглядывал свою блестящую туфлю, при этом крутил носком, руки держал в карманах, только что не насвистывал, до того у него был безразличный вид.

Наконец Максим с треском захлопнул крышку и пошел

из жуткой комнаты прочь, пошатываясь, тяжело дыша, с невольными слезами на глазах, прошел через анфиладу и рухнул на диван в гостиной, с опаской поглядывая на белый рояль.

Подкатился Сила Михалыч и с кряхтением опустился рядом.

– Ну как тебе мазурка? – поинтересовался он.

– Прелестно! – отозвался Максим. – Если вы хотели свести меня с ума, то вам это не удалось. Не на того напали, Сила Михалыч. Нервы у меня обнаженные, но крепкие, так и знайте.

– А с чего ты взял, что я не знаю? – Сила Михалыч достал платок и снова высморкался. – Будь ты истеричным хлюпиком, не сидел бы в этой комнате.

– О-о, я горд, как никогда! Благодарю за честь! А еще буду в восторге, если меня здесь прикончат. Вы ведь не исключаете такую возможность, не правда ли?

– Все может случиться, – буднично отозвался Сила Михалыч. – Но в остальном ты зря иронизируешь. Честь тебе оказана великая. Удастся тебе выжить или суждено погибнуть – уже не имеет значения – для тебя, но мне выгодно, чтобы ты выжил. Поэтому выслушай внимательно то, что я тебе сейчас расскажу.

Шаркая тапочками, приплелся Веренский. Василий подерживал старика под руку: тот едва держался на ногах.

– А вот и главный виновник сей неприглядной истории, –

оживился Сила Михалыч. – Присядьте, любезный, и будьте добры обстоятельно описать ваши подвиги Максиму Евгеньичу.

Веренский послушно опустил в кресло, Максим, наоборот, вскочил, подошел к столу и налил из графина воды в стакан.

– Избавьте меня от мемуаров! – сказал он с раздражением. – Лучше объясните сразу, что такое ваше пианино?

– Разве ты еще не понял? – подал голос Василий. – Пианино – это портал.

– Какой к черту портал?! – взорвался Максим. – Я современный человек и не верю во всякую потустороннюю чушь! Вы спрятали какой-то механизм внутри, ведь так, Веренский?

– Нет, я только играл на пианино... раньше... когда это еще было возможно.

– Ага, доигрался, – усмехнулся Сила Михалыч. – Что ж, придется описать в нескольких словах жизнь этого человека. Плесни-ка и мне водички в стакан, Максим.

Он расстался наконец со своим пиджаком, ослабил узел галстука, уселся поудобнее и начал рассказывать.

Глава 4

– Беда в том, что Веренский родился бесталанным ребенком, но знатного происхождения. Его покойная мать, потомственная графиня Веренская, никак не могла забыть своих титулованных предков и потому устроилась работать в пансионат «Дарьины Ключи» медработником. У нее был пункт на фамильном имении. Вместе с Веренской в пансионате проживал ее сын Леонид. Ему было семь лет, когда мать поселилась в одной из комнат бывшего господского дома. Мальчик носил фамилию матери, о своем отце ничего не знал, однако знал все о бывших владельцах родового имения. Портреты представителей династии Веренских были свалены в подвале, хотя некоторые из них принадлежали кисти известных художников. Лишь бесхозяйственность местных управленцев позволила картинам не покинуть родных стен. Веренская мечтала, чтобы сын стал большим человеком и вернул хотя бы часть семейных реликвий.

Особенно она любила старинное пианино, стоящее в зале. Его перенесли из дальних комнат для развлечения отдыхающих. Дирекция пансионата поощряла тягу Веренской к инструменту, нередко ее просили сыграть для отдыхающих либо саккомпанировать очередному доморощенному певцу – отказа никогда не было. Поэтому, когда маленький Леня поступил в музыкальную школу, Веренская без труда выпро-

сила у начальства разрешение на занятия в пустующем зале, чтобы в определенные часы мальчик разучивал гаммы и упражнения на фортепиано.

У потомка знатного рода обнаружилась склонность к занятиям музыкой, он выказал трудолюбие и усидчивость, никто не заставлял его садиться за пианино, как это случается со многими детьми, со временем он стал справляться с довольно сложными произведениями, учителя его хвалили, мать все твердила о его происхождении и высоком предназначении.

Юноша поступил в музыкальное училище, затем в Московскую консерваторию.

К сожалению, из Леонида, вопреки прогнозам, получился приличный пианист, но не выдающийся. Педагоги ни разу не выдвинули его на конкурс исполнителей, поскольку какими-то блестящими способностями он не обладал. Молодой человек страдал невыносимо, ему казалось, что его зажимают, подсиживают, что чья-то зависть не дает ему стать известным музыкантом.

О, эта мнимая видимость успеха, собственной исключительности: с раннего детства похвалы матери, родственников, знакомых, учителей, пятерки на экзаменационных концертах в музыкальной школе и в училище, затем успешное преодоление такого барьера, как конкурс в столичную консерваторию, – и вот уже не только мать, но и сын уверовал в то, что он гений. И все же собственный слух не мог его об-

мануть: слушая игру великих пианистов, он вынужден был признать, что не обладает таким мастерством и проникновенностью исполнения.

После долгих мытарств, постигнув всю глубину отчаяния, он прекратил попытки выбиться в знаменитости, отказался от равнодушной к нему столицы и вернулся к матери, которая по-прежнему жила и работала в пансионате. Консерваторское образование сгодилось Леониду на то, чтобы его наняли пианистом в ресторан. Так они и жили с матерью в усадьбе на птичьих правах. У Леонида были женщины – в связях он был неразборчив, любовниц изводил капризами и жалобами на завистников, стал мизантропом, неприятным в общении. Однако среди русских женщин всегда найдется преданная и сердобольная душа, способная обласкать мужчину, сделать из него кумира, жить для него и дышать только для него...

– Я тоже ее любил, – всхлипнул в кресле Веренский. – А когда узнал, что Галя беременна, не колебался ни минуты. Мы поженились...

– О да! Вы поступили благородно, Леонид Ефимыч, ведь тогда вы были сравнительно молоды, и что-то здоровое, не тронутое цинизмом и разочарованием еще ютилось в вашей душе. Так вот, вскоре у супругов родилась дочь. Девочку называли Елизаветой.

– Лиза! Доченька моя! – приглушенно прорыдал Веренский.

– У Галины имелся в собственности деревенский домишко с огородом и курятником, в свободное от работы время непризнанный гений поправлял забор, латал крышу, с которой виднелись строения дворянской усадьбы, и день за днем червь горечи и обиды на несправедливость судьбы разъедал его душу. Он начал выпивать, и, вероятно, спился бы со временем, не случись в его жизни непредвиденного события.

Мать его все еще жила в семейной усадьбе – уже без разрешения, так как пансионат тоже превратился в бывший, в нем оставался лишь сторож-пьяница, которого женщина задабривала водкой. Она устроилась медсестрой в местную больницу, но переехать к невестке в дом не захотела. Теперь весь заброшенный особняк оказался в ее распоряжении. Она фанатично оберегала портреты предков, лучшие из них тайком перенесла из подвала в свою комнату и однажды, когда сын пришел ее навестить, стала показывать ему бабушек, прабабушек, пращуров...

Пойдем со мной, Максим, – прервал рассказ Сила Михалыч. – Я тоже хочу показать тебе один портрет.

Они прошли несколько комнат и вошли в спальню с широкой кроватью, украшенной альковом в соответствии с общим оформлением интерьера. Сила Михалыч подвел Максима к большому живописному полотну в массивной золоченой раме, висевшему на стене.

На картине во весь рост был изображен знатный вельможа, полный, стареющий, но нарумяненный и с завитыми во-

лосами, одетый роскошно – в светло-коричневый, густо шитый золотым позументом мундир, поверх него – шелковый кафтан, опушенный легким коричневым мехом. Одной рукой он опирался на полированную поверхность какого-то предмета мебели, в другой держал книгу в темно-красном сафьяновом переплете. Книгу он поддерживал снизу, так, что видны были тисненые золотом слова названия. Выше более мелкими буквами тем же шрифтом сообщались, вероятно, сведения об авторе.

Граф словно показывал книгу зрителю.

Художнику удалось отобразить на полотне внутренний мир своей натуры. Лицо мужчины было надменное, женственно-холеное, он выглядел изнеженным баринком, но легкая усмешка выдавала волевого человека и в то же время скрытного.

– Приглядишься, Максим, не увидишь ли на картине чего любопытного, – сказал Сила Михалыч.

– Если не ошибаюсь, его правая рука лежит на злосчастном пианино, – с неудовольствием констатировал Максим. Сила Михалыч кивнул, но продолжал смотреть на него с ожиданием. Максим сосредоточился на картине. – Что-то еще? Ничего больше не вижу... Постойте... книга! Ну конечно, надпись та же самая, что на проклятом инструменте! – Максим заволновался, его заинтересовало открытие; с мерцающего потускневшими красками портрета пахло вековой тайной.

– Вот-вот, точно так же в одно из своих посещений Леонид Веренский разглядел на портрете вельможного предка тайнопись, которая в детстве постоянно маячила у него перед глазами. Одна и та же надпись на двух предметах – это должно было что-то означать. Воображение нарисовало ему тайники с сокровищами, клады, несметное богатство, оставленное заботливыми предками для потомства.

Надо было найти книгу, ведь в ней могли содержаться сведения, указания, не зря же ее демонстрировал с фамильного портрета граф Веренский.

Мать принимала деятельное участие в поисках.

Сначала Леонид обследовал внутренность пианино, но ничего не нашел. Тогда настала очередь той комнаты, где оно стояло до того, как попало в зал. Ему чудилось, что надпись на пианино – и есть главная подсказка. Поиски длились целый год. С фанатичным упорством Леонид обследовал каждое помещение заброшенного имения. Ничего не нашел и решил показать надпись специалисту. Он сделал хорошие снимки с пианино и всех надписей с книги на портрете, поехал в Москву, пустил в ход прежние знакомства и вышел на опытного дешифровальщика.

То, что представил ему специалист, ничего не сказало Веренскому, но еще больше заинтриговало.

Итак, надпись на пианино и на книге гласит: «Врата величия и бездны дарует кровь». Более мелкие слова на переплете действительно означали имя и титул графа.

Максим молчал, обдумывая услышанное.

– Вернемся в зал, – предложил Сила Михалыч. – Ты умный мальчик и сам поймешь смысл фразы, поскольку уже имеешь представление, о чем идет речь, но Веренский тогда ничего не понял.

– Да, после недавних экзерсисов на фортепиано можно предположить, что слово «врата» как-то связано с пианино. А «кровь»? Неужели надо было окропить инструмент кровью?

– Извини, Максим, но это стандартное мышление. Именно так поступил Веренский, вернувшись в имение. Он даже потер надпись на крышке фортепиано своей кровью, припомнив всевозможные примеры из литературы.

– Лампу Аладдина, например, – добавил Максим. – Интересно, как бы он повел себя, явись перед ним настоящий джинн.

– Тебе кажется, ты пошутил? – усмехнулся Сила Михалыч. – Только джинн – безвольный дух и красочный образ из арабских сказок. Но мы, увы, не на Востоке. Надеюсь, остальное Веренский нам расскажет сам. Кстати, ты обратил внимание, что часы пробили девять раз? Сейчас тебе предстоит увидеть очередной шокирующий акт драмы.

Мужчины вернулись в гостиную. Что-то неуловимо в ней изменилось. Стены словно покрылись плесенью; неясное зеленоватое свечение тонкими нитями, как паутина, оплетало комнату и все предметы. Несмотря на то что в большой люст-

ре под потолком горели все лампы, свет их притух, спирали внутри едва теплились, как бывает при очень слабом напряжении. Сгустившийся полумрак призрачно мерцал, оттого Максим не сразу разглядел, что в комнате появился новый персонаж.

Хозяин дома все еще сидел в кресле. Он обхватил себя руками и раскачивался из стороны в сторону. Перед ним стояла девушка. Трудно было сразу ее разглядеть в неверном сумеречном освещении комнаты. Видно было, что она худа; волосы, длинные и спутанные, падали ей на лицо, почти скрывали его, но глаза, устремленные на сидящего в кресле, иступленно горели. Из одежды на ней была легкая ночная сорочка, отороченная кружевами; под ней угадывалось худое девичье тело, белые руки безвольно висели, ноги были босы.

Василий стоял в стороне в напряженной позе, в руках держал наготове ружье.

Максим и Сила Михалыч остановились в дверях. Девушка тем временем вдруг яростно вцепилась в остатки волос на голове Веренского и принялась таскать несчастного из стороны в сторону, сопровождая свои действия визгливым рычанием.

– Бей, бей меня, Лизонька, бей изо всех сил, – бубнил сквозь рыдание Веренский и полз за девушкой на коленях. – Я все готов стерпеть, только вернись... Умоляю, девочка, вернись! Без тебя мне не жить. Сердце мое, радость моя, вернись, заклинаю...

Фурия тем временем начала избивать свою жертву ногами; чем сильнее била старика, тем больше ярилась, пена выступила у нее на губах. Василий не двигался, смотрел с жалостью, но было очевидно, что он наблюдает подобное зрелище не впервые.

Сила Михалыч решительно вышел на середину гостиной, и свет сразу же вспыхнул с прежней силой. Истязательница выпустила старика и воззрилась на вошедшего с неприкрытым ужасом. Теперь можно было рассмотреть ее отчетливо, но составить определенное мнение о ее внешности мешали мертвенная бледность и искаженные злобой черты лица. Каштановые волосы давно не знали расчески, кожа на видимых участках тела – сплошь в кровоподтеках, царапинах и ссадинах, ногти черны и сломаны. Тем не менее следовало признать, что даже в таком растерзанном виде она была красива дикой, необузданной красотой, в ней угадывалась грациозность юного существа, тончайший батист рубашки обрисовывал крепкие девичьи груди, кисти и ступни у нее были маленькие, ноги стройные, волосы густые и длинные.

– Не подходи, – завизжала девушка, выставив открытые ладони перед Силой Михалычем. Она пятилась от него, он наступал. – Я все равно здесь не останусь. Прочь! Ты меня не остановишь!

– Доверься мне, Лиза. – Он протягивал ей руку и преграждал путь, она шарахалась от него из стороны в сторону. – Позволь мне поговорить с тобой, и все кончится, слышишь?

– Нет, – трясла она головой. – Я должна вернуться. Он ждет меня... Это все ты! – снова истерически закричала она на Веренского. – Ты заставляешь меня возвращаться сюда снова и снова. Мерзавец! Ничтожество! Ты мучишь меня своим подлым упрямством. Я ненавижу тебя!

Прокричав еще несколько раз «ненавижу», она бросилась в темный зев анфилады и пропала.

Веренский скулил, сидя на полу.

– Вставайте уже, – сварливо посоветовал Сила Михалыч. – Свою порцию побоев вы на сегодня получили. Выпейте коньяку, взбодритесь и расскажите Максиму Евгеньевичу, как вам удалось отыскать книгу и что произошло потом. Предысторию он уже знает.

Веренский, всхлипывая, ползком добрался до стола, трясущейся рукой налил себе рюмку коньяку и выпил залпом. Не останавливаясь, опрокинул еще две рюмки, утер рот полотняной салфеткой и взобрался в кресло, откуда его недавно стащила дочь.

– Присядьте, Максим Евгеньевич, – надтреснутым голосом предложил он. Даже в столь щекотливой ситуации отпрыск древнего рода не утратил хороших манер. – Не откажите в милости выслушать злополучного отца.

Книгу я нашел в совершенно неожиданном месте, хотя, возможно, другой кладоискатель додумался бы раньше меня. Усадьба, как вам известно, называется Дарьины Ключи. Однажды в дом к Галине, моей жене, зашла соседка за ка-

кой-то ерундой, старушения под девяносто, но бойкая, из тех, кто не упустит случая пошамкать о чем угодно, лишь бы тема была. Не знаю, что мне стукнуло в голову и почему раньше не приходило на ум, но тут я возьми и спроси, что означает название – Дарьины Ключи.

Оказалось, что бабке известно местное предание, которое не знала даже моя мать.

Дескать, сиятельный граф Веренский, в то время красавец кавалергард, взял к себе в опочивальню девицу Дарью из крепостных. Девица, хоть и не по своей воле к барину пошла, сильно к нему привязалась и любила молодого господина до безумия. Барин же с Дарьей вволю натешился и после выдал ее замуж за своего стремянного, о молодежи более не вспоминал, а для утех альковных взял к себе в дом другую крепостную девку.

Сделалась Дарья безутешной. Все у нее валилось из рук – и в поле работать не могла, и в домашнем хозяйстве не годилась. Муж ее бил для порядка, родители стыдили – ничего не помогало. Горемычная Дарья хаживала к дальней часовне за большим прудом, истово молилась и просила Боженьку вернуть ей любовь молодого повесы. Часто садилась она на скамью у часовни и лила слезы, глядя на окна спальни барского особняка, отражающегося в пруду.

Однажды застала она своего милого в парке на гарцующем жеребце. Дарья бросилась к всаднику, не убоявшись копыт разгоряченного скакуна, и прильнула щекой к сапогу наезд-

ника. Коник взвился на дыбы, а гордый аристократ с размаху огрел замарашку по лицу хлыстом – знай, мол, свое место. Бранился при этом крепко: коня испугала негодная. Возмущенные наездник и конь умчались как ветер, а Дарья побегала да и бросилась в пруд. Только пузыри пошли.

Погоревали дворовые о Дарье, а молодой граф лишь нахмурился, как узнал о кончине крепостной, и все бы ничего, только доложили ему через день, что на том месте, где Дарья слезы проливала, родник пробился из-под земли. А вскоре выяснилось, что ключ этот целебный. Удивительная весть постепенно облетела всю округу, стали люди шушукаться, о чуде судачить, креститься; к роднику потянулись паломники. Тот факт, что целебный источник нашел выход рядом с часовней, придавал образу погибшей Дарьи ореол святости.

Часовня и чудотворный источник особенно почитались с тех пор, народ приходил сюда на молитвы вплоть до революции.

Но бытовала и другая легенда о том, что умершая Дарья стала по ночам являться к графу в опочивальню и требовать любви. Граф на этой почве ударился в мистику, вступил в какое-то тайное культовое общество и со временем прослыл чернокнижником, только все это предания старины глубокой, что правда, что ложь – поди разберись...

Веренский прервал свой рассказ и попросил Василия поднести ему еще рюмочку.

– Вася, ты зачем ружье взял на изготовку? – воспользо-

вался паузой Максим. – В девушку собирался стрелять?

– Господь с вами, Максим Евгеньич, я Лизоньке готов следы целовать, – неожиданно признался Василий. – Ружье держал против тех, кто ее мучает. Да и то так, для уверенности за ствол схватился. Знать бы, кого в гости ждать...

– Однако не отвлекайтесь, Леонид Ефимыч, – резко перебил Сила Михалыч. – Этак мы до ночи будем предаваться воспоминаниям.

– Словом, рассказ старушки натолкнул меня на мысль, что надо поискать книгу в часовне.

Строение стояло заброшенным, в годы советской власти часовню использовали как склад для нужд пансионата. Иконостас разворовали, настенная роспись была побита, сохранились лишь разрозненные фрагменты. Когда я вошел вовнутрь, там еще валялись пустые ящики и куски штукатурки. Кладка стен кирпичная, кое-где разохлась; представьте, мне особо искать не пришлось, в одном месте большой пласт штукатурки обвалился и несколько кирпичей лесенкой выдвинулись вперед. Там-то и оказался тайник. Сейчас часовня отреставрирована, во время работ тайник обязательно бы обнаружили мастера – лучше бы так, потому что в чужих руках книга опасности не представляла.

– Объясните, что вы имеете в виду? Что означает ваша последняя фраза? – насторожился Максим.

– Книга обретает силу только в руках прямого потомка.

– Понял! – воскликнул Максим и снова вскочил с места. –

Ну конечно! Слово «кровь» в тайнописи означает «представитель рода», скорее всего – потомок, наследник, в чьих жилах течет кровь графов Веренских! Я прав?

– Я же сказал, что ты умный мальчик, – одобрил Сила Михалыч.

– Постойте... вот еще: «врата величия и бездны дарует кровь»... – Максим вдохновился, в нем вспыхнул азарт исследователя, одна догадка за другой озаряли мрачные секреты старинной усадьбы. – «Врата величия»... путь к богатству и славе... да-да, несомненно... другого объяснения нет... – Взбудораженный, он принялся ходить по комнате. Затем остановился, глядя на Веренского с изумлением. – Леонид Ефимыч, как вы стали знаменитым музыкантом? Неужели талант все-таки проснулся?

– Дорогой Максим, вы оставили без внимания еще одно слово – «бездна», – с горечью усмехнулся Веренский.

– Нет, я о нем помню. Это слово должно было стоять в начале фразы как основополагающее. Сначала «бездна», затем все остальное, не так ли?

– Вы правильно все поняли, Максим. Поправлю вас в одном: понятие «врата» тоже в первую очередь относится к слову «бездна».

– И вы открыли врата, – прошептал Максим.

– Увы! Я был жаден и честолюбив. Меня не коснулась божественная искра, но вопреки собственной природе я хотел раздуть пламя из сухой головешки, согласен был сделать это

любой ценой.

– Молчите! – воскликнул Максим. – Мне теперь стало по-настоящему страшно. Ничего больше не желаю слушать! К тому же я убедился со всей очевидностью – что бы вы там ни натворили, наказание вас уже постигло. Не пойму только, зачем вы меня пригласили в этот дом! Чего вы все от меня хотите?

Несколько секунд в комнате царил тишина.

– Ты должен закрыть врата, – сказал Сила Михалыч и встал.

Он вдруг показался Максиму стройным и высоким. Облик его размылся на мгновение, словно на глаза Максиму надели чужие оптические очки, неясная фигура повисла в воздухе, струилась и колебалась, как отражение в нестойкой воде. Максим замигал и торопливо протер глаза; человек перед ним снова проявился, обрел четкие очертания и стал таким, каким был минуту назад.

– Мне надо присесть, – пробормотал Максим и пошатнулся. – Я что-то неважно себя чувствую. В глазах рябит, и голова кружится.

Подоспел Василий, подхватил музыканта и усадил на диван.

– Все с тобой в порядке, – зашептал он на ухо Максиму, – и ничего тебе не мерещится. Я тоже видел. Не зря я тебя предупреждал. Лучше молчи и делай, как он велит.

– Продолжайте, Леонид Ефимыч, – приказал толстяк. –

Иначе Максим Евгеньевич нас не поймет. Вернемся в 1989 год.

— Я вскрыл тайник. Книга лежала в окованном серебром деревянном сундучке. Миниатюрный висячий замок помещал мне немедленно извлечь сокровище. В нетерпении я побежал в дом и сбил замок молотком.

Книга была датирована 1840 годом, но, несмотря на то что пролежала в заточении полтора века, хорошо сохранилась, листы по краям потемнели от сырости, но содержание страниц не пострадало.

Почти всю книгу занимал рукописный текст. Это был пространственный трактат о звуке. Мне не составило труда разобраться в дореволюционной русской орфографии: почерк у графа был каллиграфический. Видимо, граф старался, чтобы рукопись была доступна для тех, кому в дальнейшем попадет в руки. Я начал читать, но в своем лихорадочном состоянии не воспринимал смысл текста. Я был уверен, что в книге найду указания на спрятанные сокровища. Я перелистывал страницы, мои глаза бежали по строчкам, пока не уперлись в ноты, ибо несколько последних листов представляли собой запись неизвестной мне фортепианной пьесы.

Я непочтительно швырнул книгу на стол и погрозил кулаком портрету сиятельного предка. Он сыграл со мной злую шутку, так я подумал тогда. Однако, вглядываясь в капризно-порочное лицо аристократа, я не увидел насмешки. Он смотрел с легким прищуром, но в глазах светилось что-то

бесовское, дикое, он был полон дерзкой отваги и, предлагая книгу, как будто советовал рискнуть мне самому.

Побуждаемый этим взглядом, я снова открыл книгу и стал вчитываться в текст.

Для наглядности я прочту вам выдержку из текста, когда-то я перепечатал часть на пишущей машинке, чтобы было легче воспринимать смысл написанного. Книгу я вам показать не могу – она спрятана в надежном месте, извлекать из нового тайника ее нельзя, иначе я уже никогда больше не увижу свою дочь.

При упоминании о дочери Веренский не ко времени опять расстроился, начал всхлипывать и размазывать слезы по щекам.

– Она приходит за книгой, – тихо пояснил Василий Максиму, – а он ее не дает. Она требует отдать книгу и бьет его, а он терпит, лишь бы она не ушла безвозвратно.

– Почему она это делает? – в тон ему спросил Максим.

– Кто-то ее заставляет. Боюсь, в один ужасный день этот «кто-то» сам явится сюда, и тогда нам всем несдобровать. Я даже думать боюсь, что может случиться.

Василий поколебался, неровный румянец выступил на его веснушчатых щеках.

– Признаюсь вам, Максим, мы с Лизой любили друг друга и собирались пожениться. Я уже готовился просить ее руки у Леонида Ефимыча, как вдруг случилось это несчастье...

Ему пришлось замолчать, так как Веренский доковылял

до старинного бюро, извлек из выдвижного ящичка несколько листов бумаги и начал читать:

– «Путем размышлений, длительных исследований, наблюдений и экспериментов, а главное – глубокого всестороннего познания пришел я к выводу, что благополучие материального и духовного мира зиждется на Великой Гармонии, дарованной Творцом, и одним из главных составляющих гармонии всего сущего является звук. Ибо звук присутствует во всем, в любой подвижной и неподвижной субстанции, потому что любой, даже самый твердый и неживой предмет несет в себе вибрацию мельчайших частиц, его составляющих. И всякая вибрация есть голос, он передается от одного предмета другому, с которым соприкасается, и тот передает собственную и приобретенную от другого предмета вибрацию уже в новом объединенном качестве следующему предмету, и так они все вместе вибрируют – каждый по-своему и в то же время в идеальном соответствии с предметами, их окружающими. И даже воздух, земля и вода передают звуки и участвуют в общем согласном хоре всего, что есть на земле. Любой голос или звук, даже давно утихнув, оставит свою вибрацию и воздействует на предмет, коего он коснулся, на долгие времена. И ежели по какой-либо причине нарушится совместное звучание, ворвется в него гибельная дисгармония и начнет ломать стройное равновесие, устоявшееся веками, то многое разрушится, и откроются пространства враждебные миру, и будут приходить оттуда силы темные,

неразумные, мятежные, дабы умножить долю зла необоснованно и себе в угоду.

Дисгармония может случиться в одном отдельно взятом предмете или живом существе, когда чья-то чужеродная вибрация влияет на него разрушительно, тогда предмет может сломаться, гора рассыпаться, а живое существо начнет болеть и угасать. И часто человек не знает, что надо всего лишь избавиться от вещи в доме, платья, украшения или общества другого человека».

Веренский замолчал, чтобы перевести дух. В доме было необыкновенно тихо, не слышалось ни единого шороха. Максим подумал, что должно быть уже очень поздно, достал по привычке из кармана мобильник и убедился, что телефон отключен. То-то ни одного звонка! Ярик наверняка сейчас рвет и мечет.

Он нажал на кнопку, но телефон, к его удивлению, не включился, хотя всю ночь оставался на зарядке.

– Не мучайся зря, не включится, – посоветовал Сила Михалыч. – Будет нам мешать, сам понимаешь.

– Вы испортили мой телефон?! Да вы знаете, сколько я за него заплатил? – заершился Максим.

– Вот уж не думал, что выдающийся музыкант кичится дорогими игрушками, – поддел толстяк.

– Это называется «понты», Сила Михалыч, – услужливо подсказал Василий.

– По... понты? Ну и словечко! Я уже заметил, что появи-

лась масса непонятных слов. Хоть заново учи язык. То, что написал прапрадед Леонида Ефимыча, я гораздо лучше понимаю, даже в оригинале.

– Ничего он нового не написал! – заносчиво возразил Максим. – Хотя, возможно, для того времени... Послушайте, на дворе ночь, мобильник не работает, а мне надо в отель. Есть в этом доме телефон или все уже окончательно провалялось в черную дыру под названием «пианино»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.